

Д.К. Симонов

Побеги заключённых ГУЛАГа в послевоенный период (1945–1953)

D.K. Simonov

Escapes of GULAG prisoners in the postwar period (1945–1953)

Побег из мест лишения свободы в послевоенном ГУЛАГе был не частным «криминальным эпизодом», а массово фиксируемым видом нарушений лагерного режима, требовавшим постоянного внимания центрального аппарата МВД и лагерных администраций. Ведомственная отчётность трактовала побеги как прямой показатель уровня дисциплины и качества охраны, а также как угрозу декларируемым представлениям о «герметичности» лагерного пространства.

Показательно, что в ведомственных учебных материалах для подготовки кадров ГУЛАГ описывался как централизованная система изоляции и контроля, призванная «обезопасить» социалистическое государство от опасных и «враждебных элементов»; тем самым сама возможность побега воспринималась как изъян в функционировании репрессивного механизма¹. Такой взгляд задаёт рамку, в которой побег рассматривается, прежде всего, через институциональные практики, язык отчётности и управленческие решения.

Исследовательская цель статьи состоит в объяснении устойчивого присутствия побегов в системе, претендовавшей на тотальный контроль: какие факторы делали побеги возможными, кто становился их инициатором, как менялись формы и способы побега и какими средствами ведомства пытались предотвратить и пресечь бегство. Отдельный вопрос – соотношение между динамикой побегов и изменениями в конкретных режимных практиках и организации охраны. Хронологические рамки с 1945 по 1953 г. определяются спецификой послевоенного периода: резким изменением контингента и масштабов лагерной системы, нормативными и организационными перестройками конца 1940-х гг., а также последующим переходом к реформам после смерти И.В. Сталина.

Основной массив исследуемых материалов составили документы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), прежде всего фонда Р-9414 «Главное управление мест заключения (ГУМЗ)

Министерства внутренних дел СССР». Обращение к этому фонду имеет принципиальное значение для реконструкции практики побегов, поскольку в нём сосредоточены статистические данные и управленческая документация: сводные отчётные справки о побеге, регулярные докладные записки, приказы и циркуляры, а также материалы, фиксирующие отдельные чрезвычайные происшествия, как, например, групповые вооружённые побег. Особый интерес представляют докладные записки на имя заместителя министра внутренних дел СССР И.А. Серова, начальника ГУЛАГа с 1941 по 1947 г. В.Г. Наседкина, министра внутренних дел С.Н. Круглова, в которых фиксировались яркие эпизоды побегов или иных нарушений, требовавших внимания высшего руководства. Эти документы отражают как количественные параметры явления, так и управленческую реакцию центрального аппарата МВД, а также руководства лагерных управлений.

Для анализа судебной практики привлечены материалы фонда Р-9492 «Министерство юстиции СССР», прежде всего обзорные отчёты о работе лагерных судов и статистические сведения по делам о нарушениях режима, включая побег.

При необходимости в статье используются статистические данные по отдельным годам и интервалам внутри указанной хронологической рамки. Это обусловлено спецификой архивного массива: отчётные материалы о побеге сохранились неравномерно и нередко представлены в виде сводок за отдельные периоды, что не всегда позволяет реконструировать непрерывный годовой ряд за весь период с 1945 по 1953 г.

Следует также учитывать ряд ограничений. Во-первых, сводные месячные справки о побеге регистрируют главным образом общее количество случаев, но далеко не всегда позволяют проследить качественные изменения на протяжении лет. Так, например, групповые побеге начинают регулярно фиксироваться в подобных месячных справках лишь ближе к 1950 г., тогда как в предшествующий период сведения о них появляются лишь эпизодически, в отдельных докладных записках. Ещё сложнее ситуация с побеге, предупреждёнными при помощи агентуры или в результате другой оперативной работы: данные о них носят фрагментарный характер, встречаются в отчётах нерегулярно и зачастую включаются в большую обзорную статистику.

О.В. Хлевнюк отмечает, что система учёта в ГУЛАГе была крайне неупорядоченной и особенно подверженной манипуляциям в части фиксации побегов. Чтобы скрыть высокий уровень беглецов, лагерные администрации нередко подменяли данные –

например, записывали некоторых «присутствующих» заключённых как сбежавших и наоборот, а также использовали сведения об умерших заключённых, чтобы «покрывать» случаи побегов. При этом он отмечал, что такие фальсификации имели ограниченный характер, поскольку «центр» тщательно контролировал движение заключённых, что делало полное сокрытие массовых побегов невозможным².

Во-вторых, сложно провести границу между категориями «успешный / неуспешный побег», «попытка побега» и «предупреждённый побег». Если заключённого задерживали при подготовке (например, при рытье тоннеля за зону), как классифицировался этот случай? В одних документах он мог фиксироваться как побег (с пометкой о том, что заключённый задержан), в других – как «предупреждение побега» (и тогда не попадать в общую статистику). Это создавало простор для бюрократических манипуляций с показателями, поскольку лагерная администрация была заинтересована в занижении количества «успешных побегов». С определённой долей уверенности можно утверждать, что задержание заключённых внутри лагеря при «подготовке» рассматривалось как предупреждённый побег и не включалось в основную статистику, так как в большинстве своём администрация лагерей стремилась к тому, чтобы число «успешно сбежавших» заключённых в статистике не было слишком большим. Министр внутренних дел С.Н. Круглов на совещании в 1952 г. говорил, что за весь год по всей системе должно быть не более 15-20 побегов, при этом заместитель начальника ГУЛАГа В.М. Бочков считал более реалистичным показатель 40-50 случаев³.

Наряду с официальными источниками в работе использовались мемуарные свидетельства бывших заключённых ГУЛАГа. В первую очередь это материалы электронной базы и библиотеки «Воспоминания о ГУЛАГе и их авторы»⁴, а также опубликованные мемуары участников и очевидцев побегов. Эти источники позволяют восполнить пробелы лагерной отчётности, особенно в вопросах восприятия побега как явления непосредственными участниками.

Затрагивая историографию темы, следует отметить отсутствие специализированных исследований, посвящённых исключительно феномену побегов из системы ГУЛАГа. Эта тема, как правило, рассматривается лишь фрагментарно – в более общих работах о лагерной системе, повседневности заключённых и т.п.

В советское время изучение побегов было невозможно в силу закрытости архивов и идеологических ограничений. Первые попытки осмысления темы появились в публицистическом и

мемуарном поле, где побег рассматривался не как социально-исторический феномен, а как некий символический акт. Характерный пример – «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицына, где автор описывал побег как форму духовного сопротивления, «попытку изменить судьбу». Он отмечал, что среди различных проявлений лагерного протеста – забастовок, голодовок, неповиновения – именно побег был единственным способом, который давал заключённому надежду на свободу. При этом Солженицын указывал, что для осуждённых по политическим и «бытовым» статьям побег не был массовым явлением, поскольку эти люди, по его наблюдению, чаще всего не представляли себя на свободе на нелегальном положении беглецов⁵.

Ситуация с доступностью архивных источников изменилась лишь с наступлением «архивной революции» 1990-х гг., когда исследователям стали доступны значительные массивы документов ГУЛАГа – прежде всего статистические материалы о побегах, а также ведомственная отчётность и межведомственная переписка. Именно тогда появляются первые попытки концептуализировать побег как одну из форм сопротивления. Так, В. Хеделер рассматривает побег, бунт и восстание как взаимосвязанные формы протеста, объединённые общим понятием «сопротивление». Хотя автор не даёт строгого теоретического обоснования для такого объединения, его подход демонстрирует тенденцию – включение побега в контекст активных и пассивных стратегий противостояния лагерному режиму. Хеделеру удалось показать на основе статистических материалов, что побег был наиболее распространённой и массовой формой индивидуального сопротивления по сравнению с другими проявлениями лагерного протеста⁶.

Масштаб, сезонность и динамика побегов

После окончания Великой Отечественной войны побеги действительно были одним из наиболее часто фиксируемых преступлений в ГУЛАГе. В.А. Козлов называет этот период «побеговым ренессансом», связывая рост побегов с «паразитическим перенаселением» ГУЛАГа в послевоенные годы, когда в лагеря стали массово попадать арестованные в ходе очистки тылов фашистские пособники, члены боевых вооружённых формирований националистов, особо опасные уголовные преступники⁷. Заключённые стремились оказаться на воле, и побеги принимали самые разнообразные формы, в зависимости от жизненного опыта отдельных индивидов, – от одиночных «самовольных отлучек» до заранее спланированных групповых побегов с применением

оружия. О серьёзности проблемы свидетельствует, в частности, доклад заместителя начальника ГУЛАГа по оперативной работе Г.П. Добрынина от 16 июня 1947 г., в котором отмечался «значительный рост побегов заключённых, особенно групповых и даже вооружённых»⁸.

Ж. Росси в «Справочнике по ГУЛАГу» приводит широкий спектр лагерной лексики, обозначающей побег или склонность к нему: «бегать» (иметь на своем счету побеги или быть склонным к побегам), «рвануть» (во время этапа), «дать винта», «оттолкнуться от зоны» или же «выйти из повиновения» (в особенности при массовых побегам). Однако примечательны не только форма, но характер и способы подготовки побегов: например, Росси отмечает, что в умеренных широтах наибольшая активность приходилась на весну и лето, тогда как в Заполярье заключённые ждали, пока замёрзнут болота и исчезнут насекомые. Побегам часто предшествовала подготовка: если у заключённого обнаруживали запас сухарей, его могли поместить в БУРдо окончания так называемого «сезона побегов», чтобы «предупредить» возможное преступление⁹.

Динамика побегов действительно имела выраженную временную закономерность. По ежемесячным сводкам МВД, большинство побегов приходилось на субботу и воскресенье, что в самих материалах обычно связывалось со сниженной активностью администрации, меньшим числом дежурных и более слабым контролем оперативных работников. На одном из совещаний в 1952 г. министр внутренних дел С.Н. Круглов жаловался на плохое понимание обстановки в лагерях: днём оперативные работники «боятся ходить в лагеря», а ночью их туда «на аркане не затащишь» из-за опасности конфликтов¹⁰.

Сезонная статистика также была стабильной: пик побеговой активности приходился на летние месяцы, особенно на август, что можно объяснить благоприятными погодными условиями и повышенными шансами на выживание вне лагеря (см. рис.). Этот фактор был одинаково актуален для лагерей как в Заполярье, так и в средней полосе СССР.

Прослеживается и определённое сходство в годовой статистике: показатели числа побегов в 1949, 1950 и 1951 гг. в весенний период во многом совпадают и не имеют серьёзного разрыва. При этом в 1950 г. максимальное количество побегов пришлось не на традиционный август, а на сентябрь. Вероятнее всего, эта аномалия объясняется либо обычной статистической погрешностью, либо запоздалым поступлением данных из отдельных лагерей при составлении сводок,

последнее, например неоднократно отмечалось в самих справках. Наиболее «спокойными» в побеговой динамике месяцами оставались ноябрь и февраль, когда суровые погодные условия существенно снижали шансы беглецов на выживание.

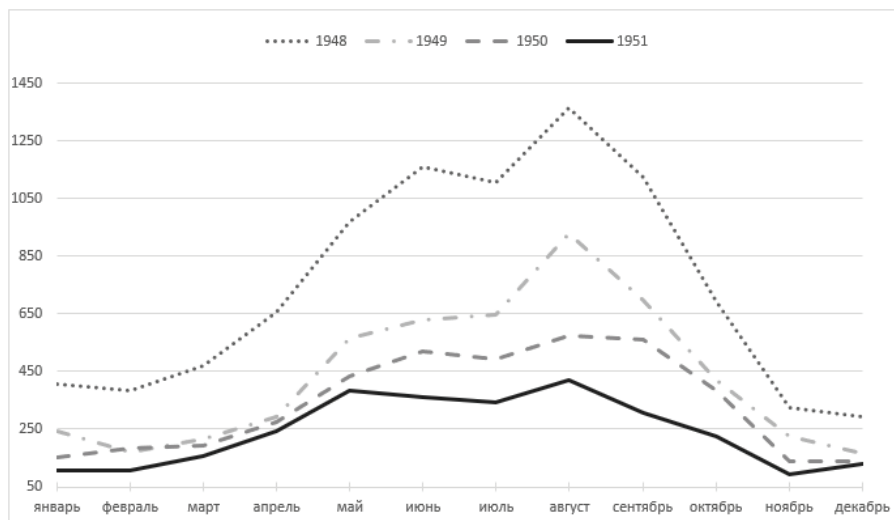

Рис. Количество успешно бежавших из лагерей ГУЛАГа в 1948–1951 гг.¹¹

Социально-уголовный состав и мотивация заключённых

Социальный и уголовный состав беглецов по всей системе в разное время варьировался: 70–80 % составляли осуждённые по общеуголовным статьям, остальная доля приходилась на лиц, осуждённых за «контрреволюционные» преступления. После принятия указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» ситуация изменилась: к 1951 г. более половины беглецов были осуждены именно по этому указу – за хищение как государственного и общественного имущества, так и личной собственности граждан.

Однако одних лишь количественных характеристик недостаточно, чтобы объяснить устойчивость побегов в системе, ориентированной на тотальный контроль. Возникает вопрос о том, какие условия делали побег осуществимым, и кто обладал для этого необходимыми ресурсами: физическими, организационными и психоло-

гическими.

По словам В.А. Козлова, немногие заключённые действительно обладали техническими возможностями, достаточной физической выносливостью и внутренней решимостью, чтобы попытаться сбежать¹². Г.М. Иванова, отвечая на вопрос о «сложности совершения побега», приводит слова председателя лагерного суда Норильского ИТЛ Ф.Н. Лакогого из обзора судебной практики за 1953 г.: «Заключённые, не желающие отбывать наказание за совершённые преступления, имеют полную возможность совершать побеги без каких-либо трудностей или риска быть задержанными при совершении побега». При этом она отмечает, что большинство побегов происходило именно по недосмотру и халатности охраны¹³.

Однако оценка «сложности» побега не исчерпывается вопросом о том, насколько реально было преодолеть охрану или воспользоваться её халатностью. Для заключённого побег был прежде всего действием с высокой ценой, поскольку предполагал не только риск немедленного задержания, но и существенное ужесточение режима содержания и юридических последствий, включая возможное назначение дополнительного срока и перевод на более строгие условия отбывания наказания. Поэтому наряду с практическими условиями совершения побега принципиально важно учитывать, какие санкции и квалификации применялись к беглецам в послевоенный период.

Прежде всего, следует определить, какая ответственность ожидала заключённого за совершение побега. Согласно статье 82 УК РСФСР, побег из мест заключения или из-под стражи наказывался лишением свободы сроком до трех лет. Однако уже в апреле 1941 г. органы НКВД, Наркомюста и Прокуратуры СССР издали директиву № 87¹⁴, в соответствии с которой бежавших заключённых предлагалось судить по статье 58-14 как за «контрреволюционный саботаж».

Показательны воспоминания И.Ф. Чеснокова, осуждённого в 1946 г. как члена Куйманской православной общины по статье 58-10 и направленного на отбывание срока в Воркуту. В 1949 г. он был осужден также по ст. 82 на 5 лет ИТЛ. Автор отмечал, что большинство его соседей по бригаде имело сроки в 25 лет, реже – 15. Сам Чесноков получил 5 лет, однако наличие у него сразу двух статей – 58-й и 82-й, делало его положение особенно уязвимым. Он подчеркивал, что факт побега или даже подготовки к нему автоматически превращал человека в «рецидивиста», а рецидив по статье 82 якобы воспринимался администрацией как признак крайней ненадёжности. Это усиливало подозрительность со стороны охраны и фактически приравнивало заключённого к наиболее «опасным элементам» лагеря¹⁵.

И.Ф. Чесноков вспоминал: «Раз ты беглец – тебе никакой веры, чуть что – в БУР! Я чаще всех в БУРе сидел как ненадёжнейший элемент...»¹⁶ Его слова показывают, что рецидив побега становился не столько юридическим, сколько режимным клеймом, радикально ухудшавшим положение заключённого.

Таким образом, при наличии в Уголовном кодексе специальной статьи о побеге власти одновременно применяли политическую статью. Руководство ГУЛАГа неоднократно указывало на юридическое противоречие, возникавшее в подобных случаях: заключённый, совершивший побег, мог приравниваться к политическому преступнику, несмотря на то что ранее не имел политической статьи. В результате, как указывали некоторые лагерные суды, складывалась искажённая картина, при которой бегство могло восприниматься как проявление антисоветской деятельности, что порождало «бесплодные приговоры» и искажало представления о доле и составе «политических» заключённых, осложняя корректный учёт этой категории.

Г.М. Иванова отмечает, что такая суровая мера имела в первую очередь превентивный, устрашающий характер: угроза получить «политическую» статью должна была сдерживать осуждённых по уголовным статьям, которые составляли основную группу риска по побегам. До 1947 г. дополнительным сдерживающим фактором оставалась угроза смертной казни, применявшаяся к рецидивистам и лицам, совершившим побег с отягчающими обстоятельствами – например, с применением оружия или нападением на охрану¹⁷.

Однако в том же 1947 г. смертная казнь была отменена (Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 г. «Об отмене смертной казни»), и это решение, вероятно, могло повлиять на последующую динамику побегов. Отмена высшей меры наказания фактически снимала с побега статус «смертного преступления», что могло снижать уровень личного страха у потенциальных беглецов. Для многих заключённых, особенно осуждённых по уголовным статьям, риск быть пойманным и получить новый срок уже не воспринимался как равнозначный гибели – в отличие от прежнего времени, когда побег мог закончиться расстрелом.

Насколько эффективной была директива 1941 г. – вопрос дискуссионный. Хотя она предполагала усиление наказания, статистика показывает, что при общем росте лагерного населения количество побегов также увеличивалось. Следует обратиться к статистическим данным – общей численности заключённых по отношению к числу успешных побегов из ГУЛАГа (табл. 1).

Таблица 1

Соотношение числа успешно бежавших к общему числу заключённых ГУЛАГа (1945–1951 гг.)¹⁸

Год	Число успешно бежавших, тыс.	Численность заключённых ГУЛАГа, млн	Доля успешно бежавших, %
1945	5,6	1,46	0,38
1946	8,1	1,11	0,73
1947	10,4	1,70	0,61
1948	8,9	2,16	0,41
1949	5,2	2,35	0,22
1950	3,9	2,56	0,15
1951	2,8	2,54	0,11

Однако статистика послевоенных лет показывает, что динамика побегов зависела не только от численности заключённых или формального ужесточения законодательства. Так, в 1946 г. при снижении общего контингента ГУЛАГа до 1,11 млн человек (против 1,46 млн в 1945 г.) было зарегистрировано около 8 тыс. побегов. Это указывает на отсутствие прямой зависимости между сокращением контингента и уровнем побеговой активности.

Изменения стали заметны лишь с 1948 г.: ужесточение лагерного режима, усиление охраны и совершенствование оперативно-агентурной работы постепенно привели к сокращению числа побегов. К 1951 г. их фиксировалось уже около 3 тыс. в год, несмотря на то что численность заключённых к этому времени возросла до 2,5 млн человек.

Э. Эплбаум отмечает, что именно повышение частоты побегов во второй половине 1940-х гг. стало одним из стимулов для дальнейшего усиления режима и совершенствования охранной системы. Рост побегов мог не только отражать кризис управляемости лагерями, но и непосредственно влиять на трансформацию репрессивной политики в ГУЛАГе, провоцируя новые меры контроля со стороны МВД¹⁹.

Оперативно-охранные меры

На протяжении всей второй половины 1940-х гг. руководство ГУЛАГа последовательно акцентировало внимание на необходимости усиления внутренней агентурной работы в лагерях. Агентурно-осведомительная сеть охватывала не только среду заключённых, но и вольнонаёмный персонал, включая охрану. Приоритетным направлением этой работы была именно профилактика

побегов, а, к примеру, борьба с хищениями и бандитизмом оставалась на втором плане. Сеть резидентов, агентов и осведомителей в лагерях росла. Так, согласно докладной записке об оперативной работе в лагерях Главпромстроя МВД СССР, к 1 января 1948 г. в ней состояло более 8,2 тыс. человек (около 5,8 % от общего числа заключённых Главпромстроя), тогда как годом ранее их было порядка 3,1 тыс.²⁰.

По обзорным материалам за первые девять месяцев 1949 г. только через агентурную сеть было предупреждено более 52 тыс. попыток к побегу и около 3,5 тыс. попыток, пресечённых в течение суток. За аналогичный период 1948 г. агентура выявила и пресекла в течение суток около 2,8 тыс. попыток²¹.

Однако прямое сопоставление этих показателей само по себе не позволяет делать выводы о «снижении» или росте побегов: численность заключённых в эти годы увеличивалась, тогда как категория «предотвращённых попыток» расширялась за счёт фиксации всё более ранних стадий подготовки, не обязательно завершившихся реальным побегом.

Увеличение числа пресечённых попыток скорее отражает интенсификацию побеговой активности и её адаптацию к новым условиям надзора – заключённые продолжали искать уязвимости режима, а администрация отвечала на это расширением оперативного контроля.

Тем не менее, агентурная система демонстрировала и существенные слабости. Передаваемая осведомителями информация нередко не использовалась должным образом, а сам оперативный аппарат не имел возможности контролировать ситуацию на местах. Характерный пример – события октября 1951 г. в Песчаном лагере МВД (располагался в Карагандинской области Казахской ССР). В жилой зоне 6-го лагерного отделения четверо заключённых в течение 32 суток рыли тоннель длиной около 50 метров, оставаясь незамеченными и охраной, и (фактически) агентурой, которая не зафиксировала признаков подготовки побега. Это свидетельствует о том, что агентурная сеть могла быть количественно крупной, но при этом уступать в своей работе с точки зрения её качества. Другой эпизод в том же лагере подчёркивает проблему управленческого характера: шесть заключённых смогли бежать, хотя агент заранее сообщил об их планах младшему офицеру охраны. Однако последний, опасаясь раскрытия источника информации, не передал сведения руководству, что привело к успешному побегу. В данном случае слабость подобной системы заключалась уже не в отсутствии данных, а в неготовности охранного аппарата эффективно ими пользоваться²².

Подобные эпизоды хорошо резонируют с мемуарными свидетельствами. Так, Л.А. Нетто, отбывавший срок в Норильске, вспо-

минал, как в бараке «бытовиков», расположенном у внешнего ограждения лагеря, начали делать подкоп. Он описывал, что узнал об этом почти случайно, когда один из участников рассказал о тайне «спокойно, без эмоций»: подкоп, по его словам, «идёт успешно, прошли запретную зону...» – и цель была очевидной, ведь заключённых манила свобода. Однако земля на одном из участков обвалилась, и попытка сорвалась. Началось следствие, многих отправили в изолятор и карцер. Важно, что, по словам Нетто, среди наказанных не оказалось политических заключённых: подготовку побега связали исключительно с уголовниками²³.

Материалы МВД позволяют увидеть, что подобные попытки и их срыв были не единичными эпизодами, а проявлением устойчивых уязвимостей лагерной охраны. Так, в справке о работе военизированной охраны за 1951 г. среди ключевых причин продолжавшихся побегов прямо назывались:

- халатность офицеров охраны;
- слабая организация службы;
- неэффективная работа оперативного аппарата (агентурной сети);
- устаревшее оборудование лагерей и плохое освещение зон, создававшее уязвимые места, активно используемые заключёнными.

Таким образом, даже расширение агентурной сети не гарантировало снижение числа побегов, поскольку эффективность профилактики зависела от того, как взаимодействовали между собой все звенья «лагерной безопасности».

Помимо агентурной сети, в 1948 г., согласно приказу МВД СССР № 00720 от 23 июня, в лагерях создавались так называемые «бригады содействия», комплектовавшиеся в основном из числа заключённых. Их задачей было выявление готовящихся побегов и информирование администрации. К 1 декабря 1948 г. в таких бригадах состояло свыше 108 тыс. человек, а за полгода работы они передали более 24 тыс. донесений, позволивших предотвратить свыше 17,5 тыс. побегов, в которых планировали участвовать 22,7 тыс. заключённых. Помимо внутренней сети действовали и группы содействия среди местного населения, помогавшие в розыске беглецов.

3.3. Габайдулин, вспоминая о своём пребывании в Краслаге (Красноярский край) в 1949 г., описывал некоторые детали организации группового побега, в котором участвовал лично. Помимо «выгодного момента», на который рассчитывали заключённые, мемуарист отмечал необходимость войти в доверие к охране. Так, во время подготовки костра двое охранников, находившиеся от за-

ключённых на расстоянии около двух метров в «расслабленном состоянии и ожидая тепла», были рывком обезоружены и связаны²⁴. Описанный случай попал в спецсообщение на имя министра внутренних дел С.Н. Круглова: в нём отмечалось, что 2 марта 1951 г. группа из десяти заключённых-рецидивистов Краслага МВД напала на конвоировавших их двух солдат срочной службы; заключённые разоружили их, захватив две винтовки и 60 патронов. Побег был пресечен в тот же день. Был убит проводник службы розыскных собак, ещё четверо охранников были ранены²⁵.

В инструкции от мая 1950 г. сообщалось об участившихся случаях побегов заключённых во время разведения костров. Отмечалось, что нередко заключённые, используя дымовую завесу при разведении огня, скрывались в лесу, оставаясь незамеченными охраной. В ноябре 1949 г. в лагпункте «Агапово» Севураллага группа из семи заключённых подошла на близкое расстояние к стрелку, который подбрасывал дрова в костёр; заключённые рывком набросились на него, разоружили и бежали. Во избежание подобных случаев инструкция предписывала для разжигания сучьев создавать «стабильные бригады» – из заключённых, осуждённых на меньшие сроки наказания, – которые требовалось обеспечить членами бригад содействия охране. Отдельно указывалось, что необходимо обязательно учитывать направление ветра, чтобы дым не скрывал работающих заключённых²⁶.

В данном случае примечателен акцент на заключённых с меньшими сроками. По всей видимости, именно эта группа считалась более лояльной и менее склонной к побегам. Если обратиться к ежемесячным сводкам по групповым побегам из ГУЛАГа за 1950–1951 гг., можно увидеть, что побеги совершали преимущественно заключённые со сроками от 10 до 15 лет лишения свободы²⁷.

Следует также отметить, что по статистике около 60 % побегов происходило в производственных зонах, где заключённые проводили большую часть времени; примерно 30 % – в жилых зонах. Остальные случаи приходились на побеги бесконвойных, а также на попытки уйти «на рывок» во время этапирования или конвоирования. Последние отличались особой дерзостью: заключённые внезапно бросались на прорыв, часто нападая на конвой, разоружали охрану или использовали транспорт. Так, в мае 1951 г. в Новосибирской области группа из пяти заключённых напала на вольнонаёмного водителя, захватила его автомобиль и, проломив ограждение, скрылась. Подобные эпизоды с использованием транспорта как средства для побега встречались и в других лагерях, однако их доля была невелика – около 1 % всех побегов (табл. 2)²⁸.

Таблица 2

Оборудованность лагерных территорий в 1951 году²⁹

Лагерная территория	Общее количество	Степень оборудованности	
		Не ограждено	Отсутствует освещение
Жилые зоны	3177	32 (1 %)	195 (6 %)
Производственные зоны	4608	795 (17 %)	768 (16 %)

Побеги в судебной отчётности

В обзоре Минюста СССР о работе управлений лагерных судов за самый массовый по побегам 1947 г. сообщалось, что дела о нарушениях заключёнными лагерного режима (сюда также входили отказы от работы, членовредительство и, как раз, побеги) занимали 28,1 % от общего объёма дел в производстве; на втором месте находились дела о растратах социалистической собственности – 20,2 %. Наибольшее поступление дел по нарушениям режима наблюдалось в ИТЛ и ИТК УМВД Украинской ССР, Унженском ИТЛ (находившемся на территории Горьковской области) и Усть-Вымском ИТЛ (на территории Коми АССР). Примечательно, что последние два ИТЛ преимущественно занимались лесозаготовками и строительством³⁰.

В этом же обзоре на основе изучения судебной практики приводились причины массовых нарушений лагерного режима заключёнными. Указывалось, что лагерные администрации нарушали инструкции МВД СССР о режиме содержания заключённых в части разделения осуждённых за антисоветские и особо опасные преступления от остальных. Вторым пунктом шла плохая охрана заключённых и нарушение военизированной охраной ИТЛ и ИТК устава конвойно-караульной службы. Например, при рассмотрении Лагерным судом Востураллага МВД СССР дела о побеге двух заключённых было выяснено, что администрации лагерного пункта было известно о готовящемся побеге. Разводящий даже предупредил об этом караульного. Однако никаких мер для усиления охраны принято не было – забор так и не починили³¹.

Таким образом, в ряде отчётов причиной подобных инцидентов прямо называли ветхость ограждений, не выдерживавших физического воздействия, а также отсутствие дополнительных защитных конструкций. Судя по этим документам, лагерная администрация рассчитывала, что осознание заключёнными безнадёжности попыт-

ки побега – в условиях рвов и колючей проволоки – само по себе станет сдерживающим фактором. При этом отмечалась плохая работа охраны: недостаточная подготовка личного состава, формальный характер несения службы и слабая дисциплина караульных нередко делали даже существующие меры безопасности малодейственными. В совокупности данные обстоятельства позволяли заключённым использовать любые технически и организационно слабые места системы, что и приводило к устойчивой статистике побегов.

Немецкий коммунист Й. Шолмер, отбывавший срок в Воркуте (особлаг «Речлаг»), позднее вспоминал, что побег из лагеря практически исключался из-за многоступенчатой системы охраны – от вышек, прожекторов и сигнальных устройств до патрульных собак и дозоров в тундре. Даже если удавалось преодолеть проволоку в пургу или туман, безлюдная тундра с её наблюдательными постами и скупыми на укрытия просторами лишала беглеца шансов. При этом попытки предпринимались ежегодно, но почти всех возвращали избитыми, и лишь один сбежавший финн за всё время так и не был найден³².

Подобные случаи действительно были единичными. Если заключённому удавалось покинуть территорию лагеря, его, как правило, находили в течение довольно короткого времени – если только он не пытался уйти за пределы СССР. Так, например, в июне 1950 г. из УИТЛК Карело-Финской ССР совершили побег двое заключённых, осуждённых за кражу на сроки от пяти до восьми лет. Отмечалось, что беглецы пересекли границу и попали в Финляндию, где были задержаны местными правоохранительными органами. Было ли принято решение об их выдаче СССР, сведений нет.

Встречались также и куда более редкие, но успешные примеры. В одной из сводок Минюста по лагерным судам зафиксировано задержание в 1951 г. беглеца, который скрывался на протяжении шестнадцати лет. Отмечалось, что мужчина в 1932 г. был осуждён по ст. 162 УК РСФСР (имущественные преступления) к двум годам лишения свободы, а в 1934 г. – по ст. 142 УК РСФСР (умышленное тяжкое телесное повреждение) – к десяти годам. В том же 1934 г. он бежал. После побега он на протяжении шестнадцати лет «занимался общественно полезным» трудом и даже участвовал в Великой Отечественной войне. Однако подобные случаи скорее являлись исключением³³.

Статистика подтверждает это. За первые десять месяцев 1949 г. из лагерей бежало около 4,8 тыс. заключённых, из которых к 1 ноября оставались незадержанными около 1 тыс. человек (21 % от общего числа бежавших). За аналогичный период 1948 г. количество беглецов составляло 8,3 тыс., и из них 1,7 тыс. человек (20 %)

также не были задержаны. В целом доля незадержанных, если брать промежутки в полгода или год, колебалась в разные периоды от 10 до 30 %. Тем не менее даже эти сравнительно высокие проценты теряются на фоне миллионов заключённых, составлявших население ГУЛАГа. В масштабах всей системы те, кому удавалось скрываться годами, оставались единицами³⁴.

Побеги из ГУЛАГа в послевоенный период выступают индикатором не только индивидуальных стратегий выхода из лагерного пространства, но и институциональных уязвимостей системы охраны и управления. Ведомственная статистика фиксирует высокий уровень побегов во второй половине 1940-х гг. и последующее сокращение числа зарегистрированных успешных побегов к началу 1950-х гг., что связано с комплексом мер МВД и изменением практик надзора.

Вместе с тем источники показывают ограниченность этих мер: рост агентурных сетей и создание «бригад содействия» не устраняли структурных проблем – низкой дисциплины, управленческих провалов и технической отсталости отдельных зон. В этом смысле побег становился своеобразным «тестом» на работоспособность репрессивного механизма, выявляя расхождение между нормативной моделью герметичности и реальными практиками.

Наконец, институциональный анализ, основанный на отчётности и переписке ведомств, неизбежно оставляет на периферии субъективный опыт побега – мотивацию, страх, расчёт и представления о свободе. Для полноценного объяснения феномена необходимо дополнение «человеческим измерением»: микроисторическими реконструкциями на основе эго-документов, мемуаров и интервью, позволяющими сопоставить управленческую логику режима с индивидуальными решениями и имеющимися на тот момент ресурсами заключённых.

Примечания Notes

(Endnotes)

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 77. Л. 67-68.
2. *Khlevniuk O.* The history of the Gulag: From collectivization to the Great Terror. New Haven: Yale University Press, 2004. P. 321-322.
3. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 506. Л. 204.
4. Воспоминания о ГУЛАГе и их авторы. URL: <https://vgulage.name/> (дата обращения: 01.09.2025)
5. *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ. Екатеринбург: У-Фактория, 2006. Т. 3-4. С. 317-318.

6. *Hedeler W.* Widerstandim Gulag. Meuterei, Aufstand, Flucht // Osteuropa. 2007. Jg. 57, N. 6. S. 353–368.
7. *Козлов В.А.* Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев (1953 – начало 1980-х гг.). М.: РОССПЭН, 2010. С. 46-47.
8. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 8. Д. 11. Л. 57.
9. Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу. М.: Просвет, 1991. Ч. 2. С. 286-288.
10. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 506. Л. 205.
11. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 2541; Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 2544, Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 2557; Ф. Р-9414 Оп. 1. Д. 2568.
12. Козлов В. А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев (1953 – начало 1980-х гг.). М.: РОССПЭН, 2010. С. 47.
13. *Иванова Г.М.* История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М.: Издательская программа Музея истории ГУЛАГа и Фонда Памяти, 2023. С. 387.
14. История Сталинского ГУЛАГа. Население Гулага: численность и условия содержания. Т. 4. М., 2004. С. 188.
15. *Чесноков И.Ф.* URL: <https://vgulage.name/authors/chesnokov-ivan-fedorovich/> (дата обращения: 01.09.2025)
16. *Чесноков И.Ф.* URL: <https://vgulage.name/authors/chesnokov-ivan-fedorovich/> (дата обращения: 01.09.2025)
17. *Иванова Г.М.* История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М.: Издательская программа Музея истории ГУЛАГа и Фонда Памяти, 2023. С. 387.
18. Данные об общей численности заключённых ГУЛАГа основаны на: История Сталинского ГУЛАГа. Восстания, бунты и забастовки заключенных. М.: РОССПЭН, 2004. Т. 6. С. 111, 120; Данные о побегах основаны на материалах: ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 2541.
19. *Эпплбаум Э.* ГУЛАГ. М.: АСТ, 2015. С. 310.
20. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 2541. Л. 35-38.
21. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 2544. Л. 222-228.
22. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 506. Л. 8-14.
23. *Нетто Л.А.* Клятва.
URL: <https://vgulage.name/books/netto-l-a-kljatva/?highlight=побег>
(дата обращения: 01.09.2025).
24. *Габайдулин З.* Я Вам должен сказать... // Воля: Журнал узников тоталитарных систем. М.: Возвращение, 1993. № 1. С. 8-9.
25. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 2567. Л. 16-17.
26. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 2567. Л. 1-3.
27. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 2557.
28. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 2567. Л. 19.
29. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 506. Л. 13.
30. ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 5. Д. 42. Л. 198-199.
31. ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 5. Д. 42. Л. 198-199.
32. *Scholmer J.* Vorkuta. A dramatic first report on the slave city in the Soviet Arctic. N. Y.: Henry Holt and Company, 1955. P. 65-66.
33. ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 5. Д. 124. Л. 15-16.

Автор, аннотация, ключевые слова

Симонов Данил Константинович – аспирант 2-го курса научной специальности «Отечественная история», Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Россия.

ORCID: 0009-0002-1332-2351

simonov.danil.01@gmail.com

В статье на основании документов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) рассматриваются побегии заключённых ГУЛАГа в 1945–1953 гг. как показатель уязвимостей лагерного режима и эффективности охраны в позднесталинский период. Исследовательская цель статьи состоит в объяснении устойчивого присутствия побегов в системе, претендовавшей на тотальный контроль: какие факторы делали побегии возможными, кто становился их инициаторами, какими средствами ведомства пытались предотвратить и пресечь бегство. Источниковую базу составляют материалы ГАРФ: прежде всего фонд Р-9414 «Главное управление мест заключения (ГУМЗ) МВД СССР», а также фонд Р-9492 «Министерство юстиции СССР»; в научный оборот вводятся статистические сводки о побегии и «предотвращённых попытках», ведомственная отчётность, переписка и обзоры судебной практики лагерных судов. Особое внимание уделяется масштабу и сезонной динамике побегов, социально-уголовному составу беглецов, юридической квалификации и практике наказаний, а также комплексу ответных мер МВД – от усиления ВОХР и инженерного оборудования зон до расширения оперативно-агентурной работы и использования «бригад содействия». Показано, что колебания побеговой активности не сводились к изменениям численности лагерного контингента, а сокращение числа зарегистрированных успешных побегов к началу 1950-х гг. было обусловлено совокупностью нормативных решений и трансформацией практик охраны, учёта и реагирования.

ГУЛАГ; побегии; режим; охрана; военизированная охрана; оперативно-агентурная работа; лагерные суды; МВД СССР; послевоенный период; поздний сталинизм.

Author, Abstract, Key words

Danil K. Simonov – second-year postgraduate (PhD) student in the academic specialization «Russian History» at Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

ORCID: 0009-0002-1332-2351

simonov.danil.01@gmail.com

Drawing on documents from the State Archive of the Russian Federation (GARF), the article examines escapes of GULAG prisoners in 1945–1953 as an

indicator of vulnerabilities in the camp regime and the effectiveness of security in the late Stalin period. The study aims to explain the persistent presence of escapes within a system that claimed total control: which factors made escapes possible, who initiated them, and what means state agencies employed to prevent and suppress flight. The source base consists of GARF materials, primarily Fond R-9414 (Main Administration of Places of Detention, GUMZ of the USSR MVD) and Fond R-9492 (USSR Ministry of Justice). The article introduces into scholarly circulation statistical summaries on escapes and “prevented attempts,” departmental reporting, correspondence, and reviews of camp court practice. Particular attention is paid to the scale and seasonal dynamics of escapes, the socio-criminal composition of fugitives, legal qualification and sentencing practices, and the complex of countermeasures undertaken by the MVD – from strengthening militarized guard units and engineering fortifications to expanding operational-informant work and mobilizing «assistance brigades». It is shown that fluctuations in escape activity cannot be reduced to changes in the size of the camp population, while the decline in recorded successful escapes by the early 1950s resulted from a combination of normative decisions and transformations in practices of security, accounting, and institutional response.

GULAG; escapes; camp regime; security; militarized guard units; operational-informant work; camp courts; USSR Ministry of Internal Affairs (MVD); postwar period; late Stalinism.

References (Articles from Scientific Journals)

1. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fond R-9414. Op. 1. D. 77. L. 67–68.
2. *Khlevniuk O. The History of the Gulag: From Collectivization to the Great Terror.* New Haven: Yale University Press, 2004. P. 321–322.
3. GARF. Fond R-9414. Op. 1. D. 506. L. 204.
4. *Vospominaniya o GULAGe i ikh avtory.* URL: <https://vgulage.name/> (accessed: 01.09.2025).
5. *Solzhenitsyn A.I. Arkhipelag GULAG.* Yekaterinburg: U-Faktoriya, 2006. Vol. 3–4. P. 317–318.
6. *Hedeler W. Widerstand im Gulag. Meuterei, Aufstand, Flucht. Osteuropa.* 2007. Jg. 57, H. 6. S. 353–368.
7. *Kozlov V.A. Massovye besporyadki v SSSR pri Khrushcheve i Brezhneve (1953 – nachalo 1980-kh gg.).* Moscow: ROSSPEN, 2010. P. 46–47.
8. GARF. Fond R-9414. Op. 8. D. 11. L. 57.
9. Rossi Zh. *Spravochnik po GULAGu.* Moscow: Prosvet, 1991. Pt. 2. P. 286–288.
10. GARF. Fond R-9414. Op. 1. D. 506. L. 205.
11. GARF. Fond R-9414. Op. 1. D. 2541; Fond R-9414. Op. 1. D. 2544; Fond R-9414. Op. 1. D. 2557; Fond R-9414. Op. 1. D. 2568.
12. *Kozlov V.A. Massovye besporyadki v SSSR pri Khrushcheve i Brezhneve (1953 – nachalo 1980-kh gg.).* Moscow: ROSSPEN, 2010. P. 47.

13. Ivanova G.M. *Istoriya GULAGa, 1918–1958: sotsial'no-ekonomicheskii i politiko-pravovoy aspekty*. Moscow: Izdatel'skaya programma Muzeya istorii GULAGa i Fonda Pamyati, 2023. P. 387.

14. *Istoriya stalinskogo GULAGa. Naselenie GULAGa: chislennost' i usloviya sodержaniya*. Vol. 4. Moscow, 2004. P. 188.

15. Chesnokov I.F. [author page]. URL: <https://vgulage.name/authors/chesnokov-ivan-fedorovich/> (accessed: 01.09.2025).

16. Chesnokov I.F. [author page]. URL: <https://vgulage.name/authors/chesnokov-ivan-fedorovich/> (accessed: 01.09.2025).

17. Ivanova G.M. *Istoriya GULAGa, 1918–1958: sotsial'no-ekonomicheskii i politiko-pravovoy aspekty*. Moscow: Izdatel'skaya programma Muzeya istorii GULAGa i Fonda Pamyati, 2023. P. 387.

18. Data on the total GULAG inmate population are based on: *Istoriya stalinskogo GULAGa. Vosstaniya, bunty i zabastovki zaklyuchennykh*. Moscow: ROSSPEN, 2004. Vol. 6. P. 111, 120; data on escapes are based on: GARF. Fond R-9414. Op. 1. D. 2541.

19. Applebaum A. *GULAG*. Moscow: AST, 2015. P. 310.

20. GARF. Fond R-9414. Op. 1. D. 2541. L. 35–38.

21. GARF. Fond R-9414. Op. 1. D. 2544. L. 222–228.

22. GARF. Fond R-9414. Op. 1. D. 506. L. 8–14.

23. Netto L. A. *Klyatva*. URL: <https://vgulage.name/books/netto-l-a-kljatva/?highlight=побер> (accessed: 01.09.2025).

24. Gabaydulin Z. *Ya vam dolzhen skazat...* In: *Volya: Zhurnal uznikov totalitarnykh sistem*. Moscow: Vozvrashchenie, 1993. No. 1. P. 8–9.

25. GARF. Fond R-9414. Op. 1. D. 2567. L. 16–17.

26. GARF. Fond R-9414. Op. 1. D. 2567. L. 1–3.

27. GARF. Fond R-9414. Op. 1. D. 2557.

28. GARF. Fond R-9414. Op. 1. D. 2567. L. 19.

29. GARF. Fond R-9414. Op. 1. D. 506. L. 13.

30. GARF. Fond R-9492. Op. 5. D. 42. L. 198–199.

31. GARF. Fond R-9492. Op. 5. D. 42. L. 198–199.

32. Scholmer J. *Vorkuta. A Dramatic First Report on the Slave City in the Soviet Arctic*. New York: HenryHoltand Company, 1955. P. 65–66.

33. GARF. Fond R-9492. Op. 5. D. 124. L. 15–16.

34. GARF. Fond R-9492. Op. 1. D. 2544. L. 222.